

RU

Взаимодействие сфер общественной жизни в традиционном и современном обществах (на примере доминирования политической сферы)

Сулимов С. И., Черниговских И. В.

Аннотация. Цель исследования – провести сравнительный анализ доминирования политической сферы в традиционном и современном обществах и, таким образом, выявить общие и специфические черты двух типов функционирования обществ. В статье рассмотрен деспотический режим в традиционном обществе на примере китайской императорской монархии, а в качестве современного аналога приводится кратковременное, но яркое и наглядное правление «красных кхмеров» в Камбодже. Научная новизна состоит в том, что обнаружена важная отличительная черта современного общества от традиционного – представление о подвластности социума и природы человеческой воле. По оформившемуся в конце XVIII в. новоевропейскому представлению государственное устройство может меняться согласно требованиям общества, а общественная структура должна быть пластична в соответствии с запросами составляющих социум индивидов. Следовательно, в обществе не может быть ничего неизменного или установленного навсегда. Подобный подход принципиально чужд традиционному обществу. В результате исследования установлено, что традиционное общество, в котором политическая власть претендует на абсолютное господство, является более устойчивым и разнообразным, чем современная политическая диктатура, поскольку не пытается ликвидировать какие-либо сегменты или сферы общественной жизни.

EN

The interaction of spheres of public life in traditional and modern societies (using the example of the political sphere dominance)

S. I. Sulimov, I. V. Chernigovskikh

Abstract. The aim of the research is to conduct a comparative analysis of the dominance of the political sphere in traditional and modern societies, thus revealing common and specific features of the two types of societal functioning. The article examines the despotic regime in traditional society using the example of the Chinese imperial monarchy, while the short-lived, but vivid and illustrative rule of the Khmer Rouge in Cambodia serves as a modern analogue. The scientific novelty lies in the discovery of a crucial distinguishing feature of modern society from traditional society, i.e., the notion of the subordination of society and nature to human will. According to the newly established concept of the late 18th century in Europe, the state system can change in accordance with societal demands, and the social structure should be malleable in line with the demands of individuals comprising the society. Consequently, there can be nothing immutable or permanently established in society. This approach is fundamentally alien to traditional society. As a result, the research has found that traditional society, in which political power claims absolute dominance, is more stable and diverse than modern political dictatorship, as it does not seek to eliminate any segments or spheres of public life.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что характерное для современных стран глобального мира общественное устройство нередко объявляется более совершенным и жизнеспособным, чем любые социально-экономические и политические модели, существовавшие доселе. Например, отечественные исследователи

Д. Я. Травин, О. Л. Маргания (2004, с. 26-27) и американский публицист Ф. Закария (2004, с. 9) полагают, что новоевропейская цивилизация оказала величайшую услугу человечеству, распространив собственные социально-экономические и политико-правовые модели по всему миру и тем самым положив конец существованию традиционного общества в любом его виде. При этом традиционное общество как явление определяется аморфно (по принципу «традиционное» – всё, что не «ноевропейское»), и поэтому мало кто из исследователей старается определить закономерности его развития и сравнить их с тем, что принято называть «современным» / «глобальным» обществом. Между тем такое сравнение необходимо, потому что иначе «современность» безоговорочно возводится на пьедестал непогрешимости, а её издержки и недостатки, которых не лишена ни одна общественная система, игнорируются. В данной работе мы проведём краткий сравнительный анализ взаимодействия сфер общественной жизни в традиционном и современном обществах, для наглядности выбрав такие общества, в которых господствовала именно политическая сфера. Ведь если роль религиозного культа или эстетического стиля можно не заметить, то стремление к власти и лидерству всегда приводит к ярким и зримым результатам.

Задачи исследования:

- выявить особенности функционирования традиционного общества при доминировании в нём политической сферы;
- провести сравнительный анализ жизни традиционного и современного обществ при доминировании в них политической сферы.

Материалом для исследования послужила информация о китайской императорской монархии, представляющей собой наиболее полный пример традиционного общества с доминирующей политической сферой, и о Демократической Кампучии, прекрасно иллюстрирующей современную партийную диктатуру.

Теоретическую базу исследования составляют идеи израильского социолога Ш. Н. Эйзенштадта (1999), подробно изучавшего феномен традиционного общества и составившего удачную типологию таких обществ. Историческая же фактура рассматривается нами по работам таких отечественных исследователей, как В. П. Илющечкин (1986), М. В. Крюков (1984), В. Н. Шевелев (1999) и В. М. Рыбаков (2009), а также западных авторов М. Гране (2016) и К. Пирса (2008).

Методология исследования включает в себя философско-культурологический подход, позволяющий установить связь между политической жизнью общества и господствующими в нём религиозно-философскими представлениями, а также метод компаративистского исследования функционирования политической сферы в традиционном и современном обществах, благодаря которому становится возможным выявить общие и специфические черты политической жизни социумов обоих типов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в результате проведённого нами сравнительного анализа появляется возможность раскрыть достоинства и недостатки традиционного и современного обществ по отношению друг к другу. Таким образом, удастся обнаружить, является ли современное общество установившимся на тысячелетия порядком или же это в истории недолгий проходной момент. Результаты исследования могут быть применены в преподавании таких гуманитарных курсов, как всемирная история, культурология и социальная философия.

Обсуждение и результаты

Невзирая на то, что термин «традиционное общество» употребляется в философии и культурологии достаточно часто, среди исследователей нет единого мнения по вопросу, что же это такое. Израильский автор Ш. Н. Эйзенштадт остроумно заметил, что различные типы традиционных обществ едины между собой только по тому критерию, что ни одно из них не является новоевропейским. Последнее же представляет собой вполне определённое социально-духовное явление, имеющее чёткую хронологическую и географическую точку своего возникновения. Ш. Н. Эйзенштадт полагал, что распространившиеся в Новое время по всей планете мировоззрение и общественно-политическая модель сформировались в Западной Европе в канун Реформации под влиянием оригинальных, больше ни в одном регионе и эпохе не существовавших исторических и социальных условий. В дальнейшем новоевропейское общество развивалось, обретало некоторые новые черты, теряло старые, но оно всегда противостояло другим существующим на планете обществам – от индейских племён Северной Америки до бюрократических монархий Востока. Важнейшими чертами новоевропейского мировоззрения и производного от него общественного устройства исследователь считал веру в возможность человека управлять природной и общественной средой и стремление индивида самостоятельно распоряжаться своей жизнью (Эйзенштадт, 1999, с. 230). Например, с конца XVIII в. европейцы исповедуют мнение, что политическое устройство общества может меняться сколько угодно раз, и это вовсе не крах миропорядка, а лишь социальная динамика. Такой подход чужд любым другим существовавшим на планете социумам, в которых мировой порядок обычно считается незыблемым, а жизненный путь человека если не предопределён, то хотя бы обусловлен принадлежностью к той или иной социальной группе.

Ш. Н. Эйзенштадт выделяет различные, непохожие друг на друга типы традиционных обществ, из которых для нашего исследования наиболее актуально *имперско-феодальное* общество. Для такого социума характерно господство политической элиты во всех сферах общественной жизни: там, где элита не может управлять

непосредственно (например, в религии), она стремится контролировать деятельность функционеров. Типичная форма правления для имперско-феодального общества – абсолютная монархия, а важная особенность – развитая религиозность, придающая государю сакральный статус. Несбыточным идеалом для имперско-феодальных правителей является теократия, которая никогда не становится реальной именно потому, что доминирует в таком социуме именно политическая сфера, а религиозность лишь играет роль апологии для политического господства короны. Если в имперско-феодальном обществе существует владетельная аристократия, то она получает свою легитимацию исключительно от монарха и не всегда даже допускается до фактического управления. Хотя чаще имперско-феодальные общества в политическом отношении являют собой бюрократические монархии, чиновники которых – всего лишь временщики-назначенцы.

Наиболее полным и ярким примером имперско-феодального традиционного общества является императорский Китай, о правлении какой бы династии ни шла речь. Ведь каждая династия занимала трон предыдущей и лишь усиливала существовавшие изначально монархические тенденции. Согласно китайской политической культуре источником монаршей власти является воля Неба, которая наделяет человека специфической добродетелью и тем самым превращает его в императора. Однажды Небо лишает монарха своего покровительства, и тогда династия гибнет, но соображения, по которым Небо так поступает, остаются для смертных неразрешимой загадкой. Таким образом, для подданных власть государя является непреложной данностью и не зависит от компетентности или личной харизмы венценосца. Император в китайской традиции является скорее божеством, чем человеком. Вот как характеризует сакральный статус китайского монарха французский исследователь М. Гране: «Государь – это мудрец, который обладал более человеческой и одновременно более отвлеченной добродетелью, чем герои; он цивилизует мироздание непосредственным воздействием своей действительности и царствует в согласии с Небом ради счастья народа. Прежде всего он создатель точного и сотворяющего благо календаря. Его помощники действуют, вдохновляясь государевой добродетелью. Что касается его самого, то он царствует, не задумываясь над управлением» (2016, с. 17). Получается, что все подданные, независимо от своего социального положения, являются лишь исполнителями монаршей воли, а государь черпает свою легитимность из самого мироустройства и не нуждается ни в чьём одобрении.

Однако если император собирался править долго и счастливо, то ему требовались более весомые механизмы контроля над обществом, нежели яркий политический миф. В первую очередь китайский государственный механизм зиждился не на своевольных аристократах-вассалах, а на тщательно отбираемых и обучаемых функционерах-чиновниках. Уже в правление династии Тан (VII-X вв.) была сформирована имперская система высшего образования, хотя бы с формальной точки зрения позволявшая выучиться и, сдав экзамен, занять чиновную должность любому человеку, включая простолюдинов (Илюшечкин, 1986, с. 270). Таким образом, правительство открыто провозглашало, что лояльность и профессионализм ценятся гораздо выше, чем самая блистательная родословная. Ведь, в отличие от аристократа, нерадивого или своенравного чиновника можно было легко уволить и тем самым положить конец любым его притязаниям. В регулярной императорской армии, в отличие от наёмных контингентов, офицерский состав также был обязан получать образование и проходил экзаменационный отбор. Разумеется, реальность не всегда соответствовала благим замыслам: по замечанию отечественного историка В. М. Рыбакова (2009, с. 141), за все годы правления Тан получили высшее образование без поддержки влиятельных родственников лишь 6% абитуриентов.

Опираясь на выверенную систему министерств, император управлял государством (или поручал это дело советникам), но его власть распространялась за пределы политики. Так, монарх считался самым старшим из живущих на земле божеств и на этом основании регулировал религиозную жизнь страны. Из всех существовавших в Китае религий конфуцианство, буддизм и даосизм пользовались покровительством короны, хотя буддийских клириков и принуждали регистрироваться как «работников по религиозным делам» (Крюков, 1984, с. 172). Любые другие верования и культы чаще всего имели статус дозволенных, но никакими правами не обладали. Поэтому в стране нередко происходил синтез политического и религиозного инакомыслия, что приводило к возникновению тайных обществ и сект, некоторые из них занимали антиправительственную позицию (Сулимов, 2019, с. 161-163). А монарх и его администрация старались дифференцировать такие организации на благонадёжные и злонамеренные, запрещая лишь последние. Показательно, что запрета всех без исключения тайных обществ в Китае не обнародовали ни разу за всю его историю. То есть империя желала контролировать религию, а не бороться с ней.

Имперское государство стремилось доминировать и в экономической жизни страны. В частности, купцы, сколь богаты бы они ни были, считались простолюдинами, а отсутствие в китайских мегаполисах городских советов лишало торговцев возможности озвучивать свою волю перед чиновниками. Получалось, что преуспевающий купец являлся крупным налогоплательщиком и при этом был безответен перед государством. В похожем положении находились и ремесленники: до XVI в. в империи существовал закон, обязывающий их несколько месяцев в год бесплатно работать в казенных мастерских. В дальнейшем порядок отбывания трудовой повинности был смягчён: ремесленники теперь обязывались в течение года выполнить несколько бесплатных государственных заказов или откупиться от этой повинности деньгами. Для того чтобы заранее пресечь любые протесты, правительство содержало в городах многочисленные гарнизоны, а в правление династии Сун гвардейцы регулярно устраивали показательные выступления с оружием – в назидание потенциальным недовольным (Пирс, 2008, с. 129-130). Трудовая повинность существовала также и в деревне,

но отбор «отхожих» рабочих осуществлял не чиновник или помещик, а сельский староста. Поэтому можно предположить, что китайские крестьяне не считали, будто государство их подавляет.

Обобщая особенности доминирования политической сферы в традиционном обществе императорского Китая, следует отметить важный момент. Претендуя на тотальное господство над обществом, в реальности монарх не пытался ни уничтожать какие-либо сегменты этого общества, ни создавать новые. Ведь частью мирового порядка считался не только император, но и самый последний простолудин. Поэтому монарх независимо от своих личных склонностей лишь поддерживал существующую систему отношений, при необходимости реформируя её частности, но не считая себя вправе изменить мировое устройство.

Иначе выглядит доминирование политической сферы в современном обществе, то есть социуме, производном от новоевропейского. В качестве примера мы обратимся к диктатуре «красных кхмеров», вошедшей в камбоджийскую историю как Демократическая Кампучия. Тот факт, что Камбоджа не находится в Европе, не имеет определяющего значения, потому что на протяжении почти столетия она была французской колонией, а все ведущие лидеры «красных кхмеров» (Пол Пот, Йенг Сари, Кхиеу Самфан) получили образование во Франции и позиционировали себя коммунистами.

В 1975 г. камбоджийские коммунисты воспользовались хаосом, в котором оказался Индокитай после ухода американских войск из Вьетнама, и стремительным маршем вошли в Пномпень – столицу бывшей французской колонии, формально ставшей независимым королевством. Пытавшиеся управлять Камбоджой во время Вьетнамской войны генерал Лон Нол и король Народом Сианук бежали из страны, и лидеры коммунистов объявили себя законным правительством. С первых дней своего правления Пол Пот сообщил о намерении провести в стране реформы, в результате которых будет построен коммунизм именно такого типа, который подходит для Камбоджи. По замыслу коммунистов реформы должны были настолько глубоко изменить камбоджийское общество, что даже страну заранее переименовали с королевства Камбоджи в Демократическую Кампучию. Заранее предупреждая о фундаментальном характере грядущих реформ, Пол Пот установил в Кампучии власть тайной организации «Ангка Лоу», которая правила от имени Коммунистической партии. О существовании «Ангка Лоу» знали все, но список её членов держался в секрете, а сотрудники организации имели множество особых полномочий, в том числе и убивать «врагов революции» без суда. Члены организации именовали себя «красными кхмерами», и поэтому диктатура «красных кхмеров» в Камбодже – это на самом деле ничем не ограниченная власть тайной организации «Ангка Лоу».

Итак, Пол Пот и его соратники получили возможность реализовать любые свои политические и экономические проекты, тем более что их организация обладала абсолютной политической властью. Увы, коммунистический диктатор собирался воплощать в жизнь предельно утопические замыслы. В частности, идеалом камбоджийского общества Пол Пот считал сельские кооперативы, распространённые преимущественно в отдалённых деревнях. Города же диктатор и его соратники воспринимали как центры капитализма и анклавов чуждой культуры в стране. Пол Пот даже утверждал, что горожане принадлежат к иному этническому типу, нежели крестьяне, и поэтому относиться к ним следует как к иностранцам (Шевелев, 1999, с. 194–195). Отвергая индустриализацию как часть колониального наследия, «красные кхмеры» торжественно демонтировали промышленное оборудование и закрывали городские предприятия. Миллионы горожан были принудительно переселены в деревни и трудоустроены в кооперативы, под надзор местных «коммунаров». Тем немногим жителям, которым позволили остаться в городах, вменили в обязанность заниматься огородничеством прямо на улицах. В частности, в Пномпене овощи выращивались прямо на стадионе, а парки были превращены в поля (Войны второй половины XX века, 1998, с. 264). Для ускорения движения к коммунизму Пол Пот отменил хождение денег, предписав оплачивать любую работу при помощи продовольственных пайков. Разумеется, такой подход к «реформам» отбросил хозяйственную жизнь Камбоджи практически в Средневековье, и многие камбоджийцы прямо отмечали, что страна оказалась на грани голода. Вместо того чтобы оценить реальное положение дел, «красные кхмеры» прибегли к политическим репрессиям, в ходе которых стремились избавиться от групп населения, плохо приспособленных к сельскому труду, например бывших промышленных рабочих и инженеров. Была объявлена излишней и упразднена вся система образования – от вузов до детских садов, а их сотрудники получили статус «неблагонадёжных» и нередко приговаривались к смертной казни без какой-либо вины. Конец такого странного и страшного правления оказался скорым и бесславным: в 1979 г. восставшие против «красных кхмеров» камбоджийские коммунисты и пришедшие им на помощь вьетнамские интервенты, практически не встречая сопротивления, вошли в Пномпень, тем самым ликвидировав диктатуру «Ангка Лоу».

Любопытно сравнить китайскую монархию и недолго существовавшую Демократическую Кампучию в том смысле, что в обоих обществах доминировала политическая сфера, но жизненные сроки и особенности функционирования у обоих социально-политических организмов оказались несоизмеримыми. Китайский император, будучи абсолютным монархом традиционного общества, формально имел под своей властью весь земной универсум, включая в число подданных не только людей, но даже природные явления. Ведь по своему статусу пекинский государь считался скорее божеством (Иллюстрированная история религий, 2008, с. 33), чем должностным лицом. Однако реальные императоры либо устранялись от непосредственного принятия решений, поручая разветвлённой чиновничьей вертикали поддерживать status quo, либо осторожно и последовательно проводили свою политическую линию, чередуя нововведения и новые назначения. Например,

ни один из императоров не пытался заставить ремесленников пожизненно работать на государство и получать в качестве платы продовольственный паёк. Юридически император располагал властью для того, чтобы отдать подобный приказ, но обычно китайским государям хватало здравого смысла для того, чтобы оценивать подвластное им общество реалистично и принимать выполнимые решения. Поэтому, как мы видели выше, китайским ремесленникам на их выбор предлагалось бесплатно выполнять для государственной казны несколько заказов в год или вносить денежный откуп и никаких бесплатных заказов не брать. Устанавливая такой порядок, императоры учитывали возможности, настроения и расчеты своих подданных независимо от того, действительно ли эти возможности, настроения и расчеты были похвальными. Будучи монархом традиционного общества, китайский император поддерживал мировую гармонию, частью которой была как монаршая власть, так и ремесленный труд. Именно поэтому ни один император не пытался сделать из ремесленников, к примеру, аграриев, а из чиновников – монахов или воинов. Ведь если мировой порядок соответствует сакральному образцу, то любое отступление от образца может привести лишь к мировому беспорядку, и поэтому каждому человеку лучше занимать в жизни predeterminedное мировым порядком место.

Более радикально и, на первый взгляд, современно выглядит диктатура «красных кхмеров», пришедшая на конец 1970-х гг., то есть отстающая от наших дней меньше, чем на 50 лет. Однако по факту Демократическая Кампучия представляет собой антипод китайской императорской монархии, ведь в основе политической программы Пол Пота лежала новоевропейская идеология марксизма, содержащая в себе именно новоевропейское видение социальной реальности. Согласно этой уникальной, привитой камбоджийцу во французском университете картине мира человек может и должен управлять природной и социальной реальностью. Хотя Пол Пот не придумывал самому себе пышных титулов и не подчёркивал своей личной роли в руководстве «Ангка Лоу», но возглавляемые им «красные кхмеры» устроили настоящий бунт против реальности. Китайский император называл себя божеством, но он даже не пробовал превратить ремесленника в крестьянина, а вот камбоджийские коммунисты именно этим и занялись. Когда же выяснилось, что такие социальные преобразования не дают желаемого результата, то «красные кхмеры» попытались физически уничтожить те общественные группы, которые не вписывались в идиллическую картину крестьянского социализма. В Китайской империи, какие бы династии ею ни правили, подобных мер не принимали ни разу.

Заключение

В данной работе мы провели краткий сравнительный анализ традиционного и современного обществ, в которых доминирует политическая сфера. Можно указать следующие принципиальные различия между ними. Во-первых, это характерное для современности новоевропейское представление о возможности человека управлять природой и обществом, что приводит к радикализму, если не утопизму в политической деятельности. Традиционное общество лишено подобной установки, и его властители воспринимают мир и социум как единую систему, в которой нужно поддерживать незыблемый порядок. Во-вторых, именно благодаря своей ориентации на поддержание status quo традиционное общество существует на протяжении тысячелетий, в отличие от общества новоевропейского, которое представляет собой историческую экзотику, но почему-то его представители считают себя едва ли не строителями нового мира.

Бурное распространение новоевропейских идей и институтов по планете в XIX-XX вв. затронуло практически все существующие в наши дни общества. Поэтому было бы актуально уточнить, существуют ли (и если существуют, то как выглядят) общества смешанного типа, в которых традиционные и новоевропейские черты сосуществуют в неразрывной связи друг с другом. Но это тема для иного исследования.

Источники | References

1. Войны второй половины XX века / авт.-сост. А. Н. Гордиенко. Мн.: Литература, 1998.
2. Гране М. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016.
3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
4. Иллюстрированная история религий / авт.-сост. Д. П. Шантепи де ля Соссей. М.: Эксмо, 2008.
5. Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М.: Наука, 1986.
6. Крюков М. В. Китайский этнос в Средние века (VII-XIII). М.: Наука, 1984.
7. Пирс К. Воины Китая: под знаменем небесного дракона, 1500 г. до н. э. – 1840 г. н. э. М.: Эксмо, 2008.
8. Рыбаков В. М. Танская бюрократия: в 2 ч. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. Ч. 1. Генезис и структура.
9. Сулимов С. И. Межкультурные взаимодействия в формировании антисистем: опыт социально-философского исследования: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019.
10. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.: АСТ, 2004. Кн. 1.
11. Шевелев В. Н. Диктаторы и боги. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
12. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

Информация об авторах | Author information**RU****Сулимов Станислав Игоревич**¹, д. филос. н., доц.**Черниговских Игорь Васильевич**², к. филос. н., доц.¹ Воронежский государственный университет² Воронежский государственный университет инженерных технологий**EN****Stanislav Igorevich Sulimov**¹, Dr**Igor Vasil'evich Chernigovskikh**², PhD¹ Voronezh State University² Voronezh State University of Engineering Technologies¹ sta-sulimov@ya.ru, ² igrchernigovskikh@rambler.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 04.08.2024; опубликовано online (published online): 26.09.2024.

Ключевые слова (keywords): традиционное общество; новоевропейское общество; абсолютная монархия; партийная диктатура; императорский Китай; Демократическая Кампучия; traditional society; modern European society; absolute monarchy; party dictatorship; Imperial China; Democratic Kampuchea.